

Было ещё очень рано, сумеречно и зябко. Рассвет только занимался, изморозь на траве была явной, льдистой и колючей.

Баки скользил по хрустящей траве вдоль следа — увядшего, но ещё хорошо заметного. Он продолжился и в подлеске, плавно перетёк в густой нетронутый лес, но проходил так, словно существо, что оставило его, на самом деле было человеком. Просто пока оно двигалось, всё вокруг умирало. Или оно тащило за собой шлейф, как у королей — вот только трава от этого шлейфа вяла и скручивалась, как от сильного холода. Баки не подходил к следу ближе чем на шаг, хотя тот был ровной приглашающей тропой среди бурелома елового леса. Его жуть брала от одной мысли, что ему придётся коснуться ступнёй этой вымороженной полосы. Но он упрямо шёл вперёд, тихо, медленно, пробираясь под поваленными стволами, старательно обходя паучьи сети и слишком бархатный мох. Он не хотел оставлять следов, он шёл разведывать.

Он должен был знать, что из себя представляет враг — несмотря на слова Стива, существо, от которого пробирало такой жутью, не могло быть никем иным для него. Он не собирался убивать — если это было важно для друида, он мог смириться. Он даже был рад этому обстоятельству — словно ещё один шанс быть рядом, быть защитником, не выискивая других объяснений.

Он должен был подготовиться к тому, какой противник его ждёт. Поэтому он шёл по следу, справедливо веря, что он, как звериная тропа, приведёт его к месту лёжки, к логову.

И он не ошибся. Чем ближе он подбирался, тем ниже, серее, заваленнее был лес — словно естественные сети и преграда для слишком любопытных. Большинство вековых елей было завалено, выломано из земли с корнем каким-то давним ураганом, деревья были уложены в непроходимый частокол, а молодая поросль была такой густой, что Баки не смог даже руки просунуть без последствий — та вся оказалась исколота и исцарапана короткими иглами.

Баки не спешил. Ступая медленно, тщательно выверяя каждый шаг, он обошёл заслон дважды. Можно было бы попробовать перебраться через него, если бы он не сомневался в своих силах — одно дело драться на ровной земле с понятным противником и совсем другое лезть без руки в завалы деревьев, рискуя упасть и напороться на приглашающе выставленные внизу острые еловые сучья.

Оставался только след. Он тропой петлял между стволов и обломков, огромных вывороченных корней с окаменевшими комьями земли, и терялся в молодой поросли где-то впереди — Баки видел этот путь и боялся ступить на него. Боялся до холодного пота по спине, до трусливо поджавшейся мошонки.

Других ходов не было. Замахнувшись, Баки отвесил себе несколько оплеух — больше бодрящих, отвлекающих, чем больных. Щёки зажгло приятной болью, он решился. Не нужно было соваться сюда, чтобы отступить в последний момент. Этого Баки не мог себе позволить. Он хотел увидеть её.

Помедлив ещё миг, он ступил на вымороженную тропу, тут же внутренне подбираясь от ощущения пронизывающего холода от подошв к спине до самого затылка. Этот холод не бодрил — он словно тянул силы, пил, колол ноги своими острыми остями и не собирался останавливаться. Передёрнувшись, Баки начал проговаривать про себя молитву воина, чтобы сконцентрироваться на цели, а не на своих паршивых предчувствиях. И снова было страшно. Дико, по-животному страшно. Что, если он не вернётся? И Стив так и не узнает, почему проснулся один сегодня? Сначала не придаст значения, будет горделиво воротить нос и заниматься обычными делами, затем начнёт искать — просто чтобы найти и проклясть самостоятельно, Баки не питал иллюзий на свой счёт.

Но он всё равно шёл, морщась от того, как остро, хрустально сминалась высохшая трава под ступнями. Если бы не давящая обстановка словно оглохшего и будто застывшего в неподвижности леса, он смог бы замереть надолго, повторяя этот звук у себя в голове, чтобы полюбоваться им как следует. Красиво.

Деревья были всё суше, всё мертвее. Костлявые остовы древних елей, как кости чудовищ, торчали из земли. Голые, мрачные и недвижные в своём ожидании. Тропа тянула из него силы: по капле, но неминуемо, и неясно было, чем это может закончиться для него. Как Баки ни медлил, прислушиваясь и приглядываясь, на круглую поляну вышел неожиданно и дёрнул себя как за удила — назад, тише, укрыться за ближайшим стволом, схорониться, чтобы не нарушить покой этого места. Он успел разглядеть. Такая же землянка, только устроенная под завалом нескольких вырванных с корнем елей. Баки крепче прижался спиной к шершавому стволу, сильно зажмурил глаза. Снова накатило отвратительное, душное и в то же время ледяное чувство: насколько поляна в преддверии леса, вся заросшая душистым разнотравьем, навевала мысли о жизни, настолько же этот бурелом подстёгивал мысли о смерти и конечности любого бытия. Все вокруг было серое, осыпающееся, словно высохшие еловые иглы, пепел или прах. Крохотная вытоптанная поляна вокруг землянки явно была обжита, неподалёку от входа лежало перевёрнутое деревянное корыто, а чуть поодаль, обнесённый неровными камнями, ещё дымился очаг. Словно существо, дух, кем бы он ни был, совсем недавно бодрствовал. Тяжелее всего вписывались в увиденное висевшие на грубой верёвке, натянутой между сучьями сбоку от землянки, выстиранные рубахи явно женского кроя. Эти холстины были настолько чужды в мрачном, безнадежном окружающем колорите, что Баки как следует ущипнул себя за бедро, подозревая, что это морок. Но рубашки не рассеялись туманом. Так по-человечески обыденно.

Это была землянка ведьмы. Ведьма жила здесь, такая же не от мира сего, как друид. Ведьма, которая стирала свои рубахи, колотила их с древесной золой, от чего ткань стала серой, и вывешивала их на верёвку, чтобы высохли. Так же, как любая девка в любом поселении. Как любая служанка в его замке.

Баки сглотнул и снова выглянул из-за ствола, посмотрел на лениво покачивающиеся в безветрии рубахи. На перевёрнутое корыто на дочерна вытоптанной поляне. На засыпающий дымок в уличном очаге. Ведьма не могла быть чудовищем, не могла быть порождением ночи Самайна. Она была человеком. И Баки хотел удостовериться в этом.